

Своего мужа, Василия Кузьми-ча, Мария частенько называет дедом Щукарём. Василий не обижается – ведь это истинная правда: он, как и шолоховский персонаж, постоянно попадает в нелепые, смешные, а порой и драматические ситуации. То он на рыбалку уйдёт без удочек, то с похмелья святую воду выпьет вместо водки, то чемоданы перепутает и уедет с чужим.

Вот и на этот раз не избежал. Встретив Новый год, сначала по дальневосточному времени, потом по местному, дождавшись, когда в столице куранты пробьют двенадцать, и выпив по этому поводу, они отправились на горку в городской сквер. Народу, несмотря на довольно сильный мороз, было много. Звучали смех, музыка, взлетали вверх пробки шампанского, хлопали петарды, сверкала огнями ёлка – в общем, Новый год!

Компания решила прокатиться с горки. Василий, не удержавшись на ногах, съехал с горки на пятой точке. Шапка слетела с головы и покати-лась в толпу. Следом за ним таким же образом съехал какой-то мужчина, с него тоже слетела шапка, за ним дру-гой, третий, внизу началась настоя-щая свалка. Мария, как тигрица, ска-кнула за шапкой, успев схватить её в последний момент. Довольная сво-ей ловкостью, она нахлобучила её на голову мужа, который снова рвался

на горку. В этот момент к ним подско-чила женщина с шапкой в руке. «Вы нашу шапку взяли!» – она решитель-но сорвала шапку с Василия, а ему сунула в руки другую. «Да что вы, это наша», – Мария попыталась отнять у женщины Васину шапку, но та дер-жала крепко. Поднялся шум, гам, каждый утверждал, что это его шап-ка. Победили незнакомцы. Парочка с триумфом удалилась, мужик напо-следок ещё и покрутил пальцем у виска. Василий растерянно смотрел им вслед, ведь он точно знал, что это была его, родная, шапка. Хотя... всякое бывает: может, и перепутали. Чего заморачиваться? Он снова полез на горку.

На следующий день, отоспав-шись и подлечившись, он решил посмотреть, что там с шапкой. Шап-ка оказалась не его, хотя тоже кро-личья, но совершенно новая, с бле-стящим мехом, ещё не потерявшая форму. А его-то, Василия, шапчонка была довольно потрёпанная, места-ми уже вытертая, он и надел её, идя на горку, специально – не жалко. Он сокрушённо покрутил её в руках, повздыхал. «Ну, прости, мужик, – пробормотал он, – ты ведь сам это-го хотел!» Потом зачем-то подул на отливающий блеском мех и повесил шапку на вешалку, рядом с мохоро-вым беретом жены.